

УДК 811.511.152.2

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-3-429-444

Категория притяжательности (посессивности) и её выражение в мокшанском диалектном ареале

М. З. Левина

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
Lev.Mariya@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Изучение диалектных особенностей мордовских языков определяется необходимостью представления диалектного своеобразия мокшанского и эрзянского языков в связи с исчезновением ряда говоров. В статье рассматриваются особенности выражения форм единственного и множественного числа имён существительных притяжательного склонения в говорах мокшанского языка как на территории Республики Мордовия, так и за её пределами; особенности функционирования и изоглоссы распространения форм множественного числа притяжательного склонения в мокшанском диалектном ареале.

Цель: выявление диалектных особенностей, анализ и описание закономерностей, которые привели к специфическим способам выражения притяжательных словоформ в говорах и диалектах мокшанского языка.

Материалы исследования: диалектные материалы автора, собранные на территории Республики Мордовия и за её пределами.

Результаты и научная новизна. В результате данного исследования представлена классификация притяжательных форм с учётом дифференциации посессивных аффиксов обладателя и обладаемого, выявлены характерные особенности функционирования и изоглоссы распространения притяжательных словоформ в мокшанском диалектном ареале. Научная новизна заключается в систематизации числовой дифференциации рядов притяжательного склонения, которые базируются на различении обладаемого и обладателя в мокшанском диалектном ареале.

Ключевые слова: категория притяжательности, посессивность, говоры и диалекты мокшанского языка, аффиксы, единственное / множественное число, изоглоссы распространения

Для цитирования: Левина М. З. Категория притяжательности (посессивности) и её выражение в мокшанском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 429–444.

Category of possessiveness and its expression in the Moksha dialect area

M. Z. Levina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
Lev.Mariya@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the study of dialectal features of the Mordovian languages is determined by the need to present the dialectal originality of the Moksha and Erzya languages in connection with the disappearance of a number of dialects. The article examines the features of expressing singular and plural forms of possessive nouns in the dialects of the Moksha language both on the territory of the Republic of Mordovia and beyond; the features of functioning and isoglosses of the distribution of plural forms of the possessive declension in the Moksha dialect area.

Objective: to identify dialectal features, analyze and describe the patterns that led to specific ways of expression of possessive word forms in the subdialects and dialects of the Moksha language.

Research materials: dialectal materials of the author, collected in the territory of the Republic of Mordovia and beyond.

Results and novelty of the research: as a result of this study, a classification of possessive forms is presented taking into account the differentiation of the possessive affixes of the possessor and the possessed, characteristic features of the functioning and isoglosses of the distribution of possessive word forms in the Moksha dialect area are revealed. Scientific novelty lies in the systematization of the numerical differentiation of the series of possessive declension, which are based on the distinction between the possessed and the possessor in the Moksha dialect area.

Key words: category of possessiveness, possessiveness, dialects and subdialects of the Moksha language, affixes, singular / plural, distribution isoglosses

For citation: Levina M. Z. Category of possessiveness and its expression in the Moksha dialect area // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (3/62): 429–444.

Введение

Актуальность темы определяется необходимостью представления диалектного материала по категории притяжательности в говорах мокшанского языка, выявлением характерных особенностей функционирования и изоглосс распространения притяжательных словоформ в мокшанском диалектном ареале, что невозможно без глубокого и всестороннего изучения говоров мордовских языков. В условиях глобализации существует угроза исчезновения с карты Мордовии ряда мордовских (мокшанских, эрзянских) говоров, что может частично привести к унификации мордовских языков, потере отдельных языковых особенностей.

Многие вопросы категории числа в притяжательном склонении, а также закономерности использования притяжательных суффиксов в мордовских языках нашли широкое освещение в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей: J. Mark [31], Д. В. Бубриха [7], Б. А. Серебренникова [21; 22], А. П. Феоктистова [23; 30], Д. В. Цыганкина [26; 27; 28; 29], С. З. Деваева [8], К. И. Ананьиной [4], Н. А. Агафоновой, И. Н. Рябова, Г. В. Рябовой [1; 2; 3; 20], Е. Ф. Клементьевой [10], Г. С. Ивановой [9], Л. А. Кудашовой [12]. Система посессивных суффиксов и их употребление в финно-угорских языках представлены в работах К. Е. Майтинской [18], П. Хайду [24], А. И. Кузнецовой [13], Ю. В. Андуганова [6], Л. А. Андреевой [5], И. А. Хомченковой [25], Н. В. Кондратьевой [11], И. Николаевой [32], С. К. Михайлова [19] и др. Заслуживают внимания работы, посвящённые характеристике языковых особенностей как мордовских, так и других финно-угорских языков [30; 33; 34; 35]. В то же время, для представления полной картины системы посессивных суффиксов в мордовских языках, возникает необходимость систематизации числовой дифференциации рядов притяжательного склонения в говорах и диалектах мокшанского языка.

Материалы и методы

Материалом исследования стали данные 2015–2023 гг., полученные в ходе диалектологических экспедиций на территории Республики Мордовия и за её пределами. Для сравнительно-сопоставительного анализа использовались материалы носителей говоров мордовских языков, а также литературных мокшанского и эрзянского языков.

В работе применены сравнительный, сопоставительный и лингвогеографический методы

исследования, позволяющие выявить характерные особенности и закономерности выражения притяжательных отношений в мокшанском диалектном ареале.

Результаты

Категория притяжательности (посессивности) является одной из уникальных категорий в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках, которая выражается специальными грамматическими средствами – лично-притяжательными суффиксами. Многообразие посессивных отношений представляет интерес для многих языковедов, так как данная категория является языковой универсалией, занимающей одну из ключевых ролей в грамматической системе мордовских языков.

Посессивность (от лат. от лат. *possessivus* – обозначающий принадлежность, притяжательный), универсальная понятийная категория языка, выражающая идею обладания одного объекта другим, свойственная многим языкам мира. Слово, которым обозначается объект-обладатель, в совокупности со словом, называющим объект-обладанное, образуют посессивную конструкцию. Посессивность выражается лексическими, синтаксическими, морфологическими средствами, набор которых для каждого языка индивидуален [17].

Притяжательность (посессивность) в мордовских языках выражается с помощью специализированных средств, что указывает на морфологически богатую систему мордовских языков.

Выражение числа в притяжательном склонении представляет более сложную картину, где появляется необходимость обозначения числа обладателя и числа обладаемого. Особую роль категория числа в притяжательном склонении приобретает в связи с оформлением рядов притяжательного склонения, которые базируются на различении обладаемого и обладателя по числам. Наличие в форме одного слова двух числовых показателей часто приводит к их смешению и объединению, а это создает значительные трудности в определении грамматического числа у имени существительного, вступающего в различные отношения с другими частями речи.

Множественное число притяжательного склонения в мокшанских говорах и диалектах образуется путем агглютинации к основе слова показателей **-k** / **-n**, причем **-k** выражает множественное число обладателей, а **-n** служит сред-

ством обозначения множественности обладаемых предметов, например: *kud-že* ‘мой дом’ – *kud-ñe* ‘мои дома’, *kud-ə-ñke* / *kud-nəšk* ‘наш дом’ – *kud-ə-ñke* / *kud-nək* ‘наши дома’. Поэтому, в системе показателей принадлежности граммати-

чески выражены следующие категории: 1) лицо; 2) число обладателей; 3) число обладаемых. Соотношение этих категорий образует систему посессивных аффиксов (Possessive Affixes System (PAS)) (см. табл. 1).

Таблица 1

Система посессивных аффиксов (Possessive Affixes System)

РА-I: Один обладатель, один обладаемый			РА-II: Один обладатель, много обладаемых		
Ряд	Обладатель (Sg)	Обладаемое (Sg)	Ряд	Обладатель (Sg)	Обладаемое (Pl)
I	Person1.Sg	-že(ə) / -že(ä) / -ndze(ə) / -ñdže(ə)	IV	Person1.Sg	-ñe(ə) / -ñe(ä) / -ne(ə)
II	Person2.Sg	-ce(ə) / -ce(ə) / -ce(ä)	V	Person2.Sg	-tñe(ə) / -tñe(ä) / -tne(ə) / -ñe(ə) / -ne(ə)
III	Person3.Sg	-c	VI	Person3.Sg	-nza(ə) / -ndza(ə) / -nda

РА-III: Много обладателей, один обладаемый			РА-IV: Много обладателей, много обладаемых		
Ряд	Обладатель (Pl)	Обладаемое (Sg)	Ряд	Обладатель (Pl)	Обладаемое (Pl)
VII	Person1.Pl	-ñəške(ä, ə) / -nəšk / -ñəšk но: -ñke(ä, ə) / -ñekə(e, ä) / -ñəkə(ä)	X	Person1.Pl	-ñək / -nək / -ñk но: -ñke(ä, ə) / -ñekə(e, ä) / -ñəkə(ä)
VIII	Person2.Pl	ndəšt'(ə) / -ñd'əšt'(e, ä, ə) / -ñəšt'e(ä) но: -ñt'e(ä, ə)	XI	Person2.Pl	-ñt'(e, ä) / -nt(ə, ə) / -nt(ə) но: -ñt'e(ä, ə)
IX	Person3.Pl	-sna(ə) / -cna(ə)	XII	Person3.Pl	-sna(ə) / -cna(ə)

Номинатив единственного и множественного числа во всех рядах притяжательного склонения в мокшанском диалектном ареале строится по одному типу: основа + лично-притяжательный суффикс.

Числовое различие, как в современном мокшанском языке, так и в его диалектах, наблюдается лишь в системах РА-I, РА-II в трёх падежах: номинативе, генитиве, дативе (см. РА-I, РА-II; табл. 2, 3).

Таблица 2

Образование форм притяжательного склонения (один обладатель, один обладаемый)

Ряд	РА-I: Один обладатель (Sg), один обладаемый (Sg)	
I	Person1.Sg	-že(ə) / -že(ä) / -ndze(ə) / -ñdže(ə) Nom. <i>vel'ə-že(ə, ä)</i> ‘село (моё)’ <i>kud-ə-že / kud-ə-ndze(ə)</i> ‘дом (мой)’ <i>viř-ə-že / viř-ə-ñdže(ə)</i> ‘лес (мой)’ Gen. <i>vel'ə-žə-ñ / vel'ə-ž-ñ</i> ‘села (моего)’ <i>kud-ə-žə-ñ / kud-ə-ž-ñ</i> ‘дома (моего)’ <i>viř-ə-žə-ñ / viř-ə-ž-ñ</i> ‘леса (моего)’ Dat. <i>vel'ə-žə-ñd'i / vel'ə-ž-ñd'i</i> ‘селу (моему)’ <i>kud-ə-žə-ñd'i / kud-ə-ž-ñd'i</i> ‘дому (моему)’ <i>viř-ə-žə-ñd'i / viř-ə-ž-ñd'i</i> ‘лесу (моему)’

II	Person2.Sg	- <i>će(ə) / -će(ä) / cę(ə)</i>	Nom. <i>vel'ə-će(ə, ä)</i> 'село (твое)' <i>kud-će(ə, ä) / kud-cę(ə)</i> 'дом (твой)' <i>viř-će(ə, ä)</i> 'лес (твой)' Gen. <i>vel'ə-ća-ń</i> 'села (твоего)' <i>kud-ća-ń</i> 'дома (твоего)' <i>viř-ća-ń</i> 'леса (твоего)' Dat. <i>vel'ə-ća-ńdi</i> 'селу (твоему)' <i>kud-ća-ńdi / kud-cą-ńdi</i> 'дому (твоему)' <i>viř-ća-ńdi</i> 'лесу (твоему)'
III	Person3.Sg	- <i>c</i>	Nom. <i>vel'ə-c</i> 'село (его/ее)' <i>kud-ə-c</i> 'дом (его/ее)' <i>viř-ə-c</i> 'лес (его/ее)' Gen. <i>vel'ə-n-c</i> 'села (его/ее)' <i>kud-ə-n-c</i> 'дома (его/ее)' <i>viř-ə-n-c</i> 'леса (его/ее)' Dat. <i>vel'ə-n-c-ti</i> 'селу (его/ее)' <i>kud-ə-n-cti</i> 'дому (его/ее)' <i>viř-ə-n-c-ti</i> 'лесу (его/ее)'

Таблица 3

Образование форм притяжательного склонения
(один обладатель, много обладаемых)

Ряд	РА-II: Один обладатель (Sg), много обладаемых (Pl)		
IV	Person1.Sg	- <i>ńe(ə) / -ńe(ä) / -nę(ə)</i>	Nom. <i>vel'ə-ńe(ə, ä)</i> 'сёла (мои)' <i>kud-ńe(ə, ä) / kud-nę</i> 'дома (мои)' <i>viř-ńe(ə, ä)</i> 'леса (мои)' Gen. <i>vel'ə-ńə-ń</i> 'сёл (моих)' <i>kud-ńə-ń / kud-nə-ń</i> 'домов (моих)' <i>viř-ńə-ń</i> 'лесов (моих)' Dat. <i>vel'ə-ńə-ńdi</i> 'сёлам (моим)' <i>kud-ńə-ńdi / kud-nə-ńdi</i> 'домам (моим)' <i>viř-ńə-ńdi</i> 'лесам (моим)'
V	Person2.Sg	- <i>t'ńe(ə) / -t'ńe(ä) / -tnę(ə) / -ńe(ə) / -nę(ə)</i>	Nom. <i>vel'ə-t'ńe(ə, ä)</i> 'сёла (твои)' <i>kut-t'ńe(ə, ä) / kut-tnę</i> 'дома (твои)' <i>viŘ-ńe(ə, ä)</i> 'леса (твои)' Gen. <i>vel'ə-t'ńə-ń</i> 'сёл (твоих)' <i>kut-t'ńə-ń / kut-tně-ń</i> 'домов (твоих)' <i>viŘ-ńə-ń</i> 'лесов (твоих)' Dat. <i>vel'ə-t'ńə-ńdi</i> 'сёлам (твоим)' <i>kut-t'ńə-ńdi / kut-tně-ńdi</i> 'домам (твоим)' <i>viŘ-ńə-ńdi</i> 'лесам (твоим)'
VI	Person3.Sg	- <i>nza(ə) / -ndza(ə) / -nda</i>	Nom. <i>vel'ə-nza(ə)</i> 'сёла (его/ее)' <i>kud-ə-ndza(ə)</i> 'дома (его/ее)' <i>viř-ə-ndza</i> 'леса (его/ее)' Gen. <i>vel'ə-nzə-n</i> 'сёл (его/ее)' <i>kud-ə-ndzə-n</i> 'домов (его/ее)' <i>viř-ə-ndzə-n</i> 'лесов (его/ее)' Дат. <i>vel'ə-nzə-ndi</i> 'сёлам (его/ее)' <i>kud-ə-ndzə-ndi</i> 'домам (его/ее)' <i>viř-ə-ndzə-ndi</i> 'лесам (его/ее)'

В говорах центрального, западного, юго-восточного и переходного диалектов мокшанского языка функционируют различные варианты числовых показателей. Для выражения единственного числа обладае-

мого служит основа слова, а для выражения единственного числа обладателя – лично-притяжательный суффикс 1-го лица – *-že(ə) / -ndze(ə) / -ńd'ze(ə)*, 2-го лица – *-će(ə, ä)*, 3-го лица – *-c* (табл. 2, 4).

Ареалы распространения РА-I в диалектах мокшанского языка

Ряд	РА-I: Один обладатель (Sg), один обладаемый (Sg)					
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	мокш.лит.
I	Person1.Sg	-že(ə) / -ndže(ə) / -ńd'že(ə) vel'ə-že(ə) kud-ə-ndže(ə) viř-ə-ńd'že(ə)	-že(ä, ə) vel'ə-že(ä/ə) kud-ə-že(ä, ə) viř-ə-žə(ä, ə)	-že vel'ə -že kud-ə-že viř-ə-že	-že / -ndže / -ńd'že vel'ə-že kud-ə-ndže viř-ə-ńd'že	-že vel'ə-že 'село (моё)' kud-ə-že 'дом (мой)' viř-ə-že 'лес (мой)'
II	Person2.Sg	-će(ə) / -ce(ə) vel'ə-će(ə) kud-će(ə) / kud-ce(ə) viř-će(ə)	-će(ä, ə) vel'ə-će(ä, ə) kud-će(ə) / kud-ce(ə) viř-će(ä, ə)	-će vel'ə-će kud-će viř-će	-će vel'ə-će kud-će viř-će	-će vel'ə-će 'село (твоё)' kud-će 'дом (твой)' viř-će(ə) 'лес (твой)'
III	Person3.Sg	-c vel'ə-c kud-ə-c viř-ə-c	-c vel'ə-c kud-ə-c viř-ə-c	-c vel'ə-c kud-ə-c viř-ə-c	-c vel'ə-c kud-ə-c viř-ə-c	-c vel'ə-c 'село (его/её)' kud-ə-c 'дом (его/её)' viř-ə-c 'лес (его/её)'

Множественное число обладаемого и единственное число обладателя в системе РА-II (см. табл. 3.) в мокшанском диалектном ареале передаются посессивными суффиксами 1-го лица – *-ńe(ə, ä) / -ne(ə)*, 2-го лица – *-t'ńe(ə) / -tne(ə), -ńe(ə) / -ne(ə)*, 3-го лица – *-nza(ə) / -ndza(ə) / -nda* (табл. 3, 5).

Ареалы распространения РА-II в диалектах мокшанского языка

Ряд	РА-II: Один обладатель (Sg), много обладаемых (Pl)					
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	мокш.лит.
IV	Person1.Sg	-ńe(ə) / -ne(ə) vel'ə-ńe(ə) kud-ne(ə) viř-ńe(ə)	-ńe(ä, ə) / -ne(ə) vel'ə-ńe(ä, ə) kud-ńe(ə) / kud-ne(ə) viř-ńe(ä, ə)	-ńe vel'ə-ńe kud-ńe viř-ńe	-ńe / -ne vel'ə-ńe kud-ne viř-ńe	-ńe vel'ə-ńe 'сёла (мои)' kud-ńe 'дома (мои)' viř-ńe 'леса (мои)'
V	Person2.Sg	-t'ńe(ə) / -tne(ə) -ńe(ə) / -ne(ə) vel'ə-t'ńe(ə) kut-tne(ə) viŘ-ńe(ə)	-t'ńe(ä, ə) / -tne(ə) -ńe(ä, ə) / -ne(ə) vel'ə-t'ńe(ä, ə) kut-t'ńe(ä, ə) / kut-tne(ə) viŘ-ńe(ä, ə)	-t'ńe / -ńe vel'ə-t'ńe kut-t'ńe viŘ-ńe	-t'ńe / -tne / -ńe / -ne vel'ə-t'ńe kut-tne viŘ-ńe	-t'ńe / -ńe vel'ə-t'ńe 'сёла (твои)' kut-t'ńe 'дома (твои)' viŘ-ńe 'леса (твои)'

VI	Person3.Sg	-nza(ə) / -ndza(ə) vel'ə-nza(ə)	-nza(ə) / -ndza(ə) vel'ə-nza(ə)	-nza vel'ə-nza	-nza(ə) / -ndza(ə) vel'ə-nza	-nza vel'ə-nza 'сёла (его/её)'
		kud-ə-ndza(ə)	kud-ə-nza(ə) / kud-ə-ndza(ə)	kud-ə-nza	kud-ə-nza / kud-ə-ndza	kud-ə-nza 'дома (его/её)'
		viř-ə-ndza(ə)	viř-ə-nza / viř-ə-ndza(ə)	viř-ə-nza	viř-ə-nza / viř-ə-ndza	viř-ə-nza 'леса (его/её)'

В системе РА-I (ряд I, II), РА-II (ряды IV, V) (см. табл. 4, 5) особенностью ряда говоров западного, переходного и частично центрального диалектов является агглютинация палатализованного и непалатализованного посессивного аффикса, что зависит от основы: если оканчивается на гласный или на палатализованный согласный с предшествующим гласным переднего ряда, то агглютинирует суффикс в варианте **-ńd'že(ə)** (Ряд I), **-će(ə)** (Ряд II), **-ńe(ä)** / **-ńə** (Ряд IV), **-t'ńe(ä)** / **-t'ńə**, **-ńe(ä)** / **-ńə** (Ряд V); если же основа имеет конечный непалатализованный согласный, то маркер посессивности – **-ndžę(ə)** (Ряд I), **-cę(ə)** (Ряд II), **-nę(ə)** (Ряд IV), **-tņę(ə)**, **-ņę(ə)** (Ряд V);. Например: ряд IV – *vel'ə-ńe(ə, ä)* 'сёла (мой)', *viř-ńe(ə, ä)* 'леса (мой)', **но:** *kud-nę(ə)* 'дома (мой)'; Ряд V – *vel'ə-t'ńe(ə, ä)* 'сёла (твои)', *viř-ńe(ə, ä)* 'леса (твои)', **но:** *kut-tņę(ə)* 'дома (твои)' и т. д.

Во многих говорах смешанного типа (киртелинский говор тетюшского ареала Республики Татарстан, говоры верхне-алатырского ареала Нижегородской области), функционирует разновидность посессивного суффикса **-nda** ряда VI – РА-II (табл. 3). Например: кирт.г. *kud-ə-nda*, мокш. лит. *kud-ə-nza* 'дома (его/её)', кирт.г. *viř-ə-nda*, мокш. лит. *viř-ə-nza* 'леса (его/её)'.
Совсем иначе обстоит дело с числовой дифференциацией в системе РА-III в рядах VII, VIII, IX и в системе РА-IV в рядах X, XI, XII при указании на принадлежность (см. табл. 6, 7). В них содержится указание лишь на число обладателя, но нет указания на число обладаемого. Поэтому между ними нет формальных различий, ни различий в значении. Единичность и множественность конкретизируется лишь контекстом.

Таблица 6

Система РА (много обладателей, много обладаемых)

РА-III / РА-IV: Много обладателей (Pl), один / много обладаемых (Sg/ Pl)		
Ряд	Обладатель (Pl)	Обладаемое (Sg/ Pl)
VII / X	Person1.Pl	-ńke(ä, ə) / -ńekə(e, ä) / -ńəkə(ü) / -nəkə
VIII / XI	Person2.Pl	-ńt'e(ä, ə)
IX / XII	Person3.Pl	-sna(ə) / -cna(ə)

Таблица 7

Образование форм притяжательного склонения
(много обладателей, один / много обладаемых)

РА-III / РА-IV: Много обладателей (Pl), один / много обладаемых (Sg/ Pl)			
Ряд	Обладатель (Pl)	Обладаемое (Sg/Pl)	Примеры
VII / X	Person1.Pl	-ńke(ä, ə) / -ńekə(e, ä) / -ńəkə(ü) / -nəkə	<i>vel'ə-ńke(ə, ä)</i> / <i>vel'ə-ńake(ə, ä)</i> 'село (наше) / сёла (наши)' <i>kud-ə-ńke(ə, ä)</i> / <i>kud-ńake(e, ä)</i> / <i>kud-nəkə</i> 'дом (наш) / дома (наши)' <i>viř-ə-ńke(ə, ä)</i> / <i>viř-ə-ńake(ə, ä)</i> 'лес (наш) / леса (наши)'

VIII / XI	Person2.PI	- <i>ńt'e(ä, ə)</i>	<i>vel'ə-ńt'e(ə, ä)</i> 'село (ваше) / сёла (ваши)' <i>kud-ə-ńt'e(ə, ä)</i> 'дом (ваш) / дома (ваши)' <i>viř-ə-ńt'e(ə, ä)</i> 'лес (ваш) / леса (ваши)'
IX / XII	Person3.PI	- <i>sna(ə) / -cna(ə)</i>	<i>vel'ə-sna(ə)</i> 'село / сёла (их)' <i>kud-sna(ə)</i> 'дом / дома (их)' <i>viř-sna(ə) / viř-cna(ə)</i> 'лес / леса (их)'

Анализируя систему притяжательных аффиксов (табл. 6, 7), следует отметить, что как в современном мокшанском языке, так и во многих его говорах центрального, юго-восточного диалектов мокшанского языка (в отличие от более ранних этапов развития), перечисленные ряды не всегда получают грамматическое выражение числа. Как отмечал Д. В. Бубрих, а за ним А. П. Феоктистов «из-за тенденции освободиться от указывания одновременно двух разных множественностей, множественности обладате-

лей и множественности обладаемых предметов» числовая дифференциация характерна лишь для обладателей, а у обладаемых числа различаются лишь только в отдельных случаях [23, 86].

Чаще всего числовая дифференциация систем РА-III, РА-IV (табл. 8, 9) в номинативе, генитиве и дативе характерна для говоров западного, переходного и частично смешанного (киртелинский говор Республики Татарстан, верхне-алатырские говоры Нижегородской области) диалектов. Сравни:

Таблица 8

Образование форм притяжательного склонения
(много обладателей, один обладаемый)

РА-III: Много обладателей (Pl), один обладаемый (Sg)			
VII	Person1.PI	- <i>ńaşke(ä, ə) / -naşk / -ńaşk / -ńekə(e, ä) / -nakə</i>	Nom. <i>vel'ə-ńaşk(ə, e, ä)</i> 'село (наше)' <i>kud-nəkə(ə, ä)</i> 'дом (наш)' <i>viř-ńəkə(ə, ä)</i> 'лес (наш)' Gen. <i>vel'ə-ńaşkə-ń</i> 'села (нашего)' <i>kud-nəkə-ń</i> 'дома (нашего)' <i>viř-ńəkə-ń / viř-ńaşkə-ń</i> 'леса (нашего)' Dat. <i>vel'ə-ńaşkə-ńd'i</i> 'селу (нашему)' <i>kud-nəkə-ńd'i</i> 'дому (нашему)' <i>viř-ńəkə-ńd'i / viř-ńaşkə-ńd'i</i> 'лесу (нашему)'
VIII	Person2.PI	- <i>ńd'əşt'(e, ä, ə) / -ndəşt'(e, ä, ə) -ńaşt'e(ä)</i>	Nom. <i>vel'ə-ńd'əşt'(ə, e, ä) / vel'ə-ńaşt'e(ä)</i> 'село (ваше)' <i>kud-ndəşt'(ə, e, ä)</i> 'дом (ваш)' <i>viř-ńd'əşt'(ə, e, ä) / viř-ńaşt'(ə, e, ä)</i> 'лес (ваш)' Gen. <i>vel'ə-ńd'əşt'-ə-ń / vel'ə-ńaşt'-ə-ń</i> 'села (вашего)' <i>kud-ndəşt'-ə-ń</i> 'дома (вашего)' <i>viř-ńd'əşt'-ə-ń / viř-ńaşt'-ə-ń</i> 'леса (вашего)' Dat. <i>vel'ə-ńd'əşt'-ə-ńd'i / vel'ə-ńaşt'-ə-ńd'i</i> 'селу (вашему)' <i>kud-ndəşt'-ə-ńd'i</i> 'дому (вашему)' <i>viř-ńd'əşt'-ə-ńd'i / viř-ńaşt'-ə-ńd'i</i> 'лесу (вашему)'
IX	Person3.PI	- <i>cna</i>	Nom. <i>viř-cna(ə)</i> 'лес (их)' Gen. <i>viř-cnə-n</i> 'леса (их)' Dat. <i>viř-cnə-ndi</i> 'лесу (их)'

При сравнении систем РА-III, РА-IV (см. табл. 8, 9) следует указать, что числовые показатели у обладаемого функционируют в номи-

нативе, генитиве и дативе, что нельзя сказать о других говорах и диалектах мокшанского языка.

Образование форм притяжательного склонения
(много обладателей, много обладаемых)

		РА-IV: Много обладателей (Pl), много обладаемых (Pl)	
X	Person1.Pl	<i>-ňak / -nak / -ňk</i>	Nom. <i>vel'ə-ňak</i> 'сёла (наши)' <i>kud-nək / kud-ə-nk</i> 'дома (наши)' <i>viř-ňak</i> 'леса (наши)' Gen. <i>vel'ə-ňak-ə-ń</i> 'сёл (наших)' <i>kud-nək-ə-ń</i> 'домов (наших)' <i>viř-ňak-ə-ń</i> 'лесов (наших)' Dat. <i>vel'ə-ňəškə-ńd'i</i> 'сёлам (нашим)' <i>kud-nək-ə-ńd'i</i> 'домам (нашим)' <i>viř-ňak-ə-ńd'i</i> 'лесам (нашим)'
XI	Person2.Pl	<i>-ňt'(e,ä) / -ntę(ə) / -nt(ę,ə)</i>	Nom. <i>vel'ə-ňt'(e,ä) / vel'ə-ňt'e</i> 'сёла (ваши)' <i>kud-ə-nt(ę)</i> 'дома (ваши)' <i>viř-ňt'(e,ä)</i> 'леса (ваши)' Gen. <i>vel'ə-ňt'ə-ń</i> 'сёл (ваших)' <i>kud-ntə-ń</i> 'домов (ваших)' <i>viř-ňt'ə-ń</i> 'лесов (ваши)' Dat. <i>vel'ə-ňt'ə-ńd'i</i> 'сёлам (вашим)' <i>kud-ntə-ńd'i</i> 'домам (вашим)' <i>viř-ňt'ə-ńd'i</i> 'лесам (вашим)'
XII	Person3.Pl	<i>-sna</i>	Nom. <i>viř-sna(ə)</i> 'леса (их)' Gen. <i>viř-snə-n</i> 'лесов (их)' Dat. <i>viř-snə-ndi</i> 'лесам (их)'

Исключением из этой системы также являются говоры смешанного типа мокшанского языка – киртелинский говор Республики Татарстан, говоры белинского ареала Пензенской области, верхне-алатырские говоры

Нижегородской области, где представлена чёткая дифференциация форм единственного и множественного числа обладаемого (см. РА-III, РА-IV; табл. 10, 11).

Таблица 10

Дифференциация форм единственного и множественного числа обладаемого
(много обладателей, один обладаемый)

Ряд	РА-III: Много обладателей (Pl) один обладаемый (Sg)						
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	МОКШ. ЛИТ.
X	Person1.Sg	<i>-ňəške(ü,ə) / -nəšk / -ňəšk</i> <i>kud-ňəške(ə)</i> 'дом (наш)' <i>viř-ňəške(ə)</i> 'лес (наш)'	---	---	<i>-ňəške(ü)</i> <i>kud-ňəške</i> 'дом (наш)' <i>viř-ňəške</i> 'лес (наш)'	<i>-ňekə(ü) / -nəkə</i> <i>kud-ňekə</i> 'дом (наш)' <i>viř-ňeke(ü)</i> 'лес (наш)'	---
XI	Person2.Sg	<i>-ňd'əšt'(e,ü,ə)</i> <i>kud-ňd'əšt'e(ä,ə)</i> 'дом (ваш)' <i>viř-ňd'əšt'e(ä,ə)</i> 'лес (ваш)'	---	---	<i>-ňd'əšt'e(ü) / -ňəšt'e</i> <i>kud-ňd'əšt'e</i> 'дом (ваш)' <i>viř-ňd'əšt'e</i> 'лес (ваш)'	<i>-ňkä</i> <i>kud-ə-ňkä</i> 'дом (ваш)' <i>viř-ə-ňkä</i> 'лес (ваш)'	---
XII	Person3.Sg	---	---	---	---	<i>-sna</i> <i>viř-sna(ə)</i> 'лес (их)'	---

Дифференциация форм единственного и множественного числа обладаемого
(много обладателей, много обладаемых)

Ряд	РА-IV: Много обладателей (PI) много обладаемых (PI)						
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш. лит.
VII	Person1.Sg	<i>-ńak(e, ə) / -nək(e, ə) / kud-nək(e, ə)</i> 'дома (наши)' <i>viř-ńak(e, ə)</i> 'леса (наши)'	---	---	<i>-ńak(e, ə) / -nək(e, ə) / kud-nək(e, ə)</i> 'дома (наши)' <i>viř-ńak(e, ə)</i> 'леса (наши)'	<i>-ńak</i> <i>kud-nək</i> 'дома (наши)' <i>viř-ńak</i> 'леса (наши)'	---
VIII	Person2.Sg	<i>-ńt'e(ə) / -ntę(ə) / kud-ntę(ə)</i> 'дома (ваши)' <i>viř-ńt'e(ə)</i> 'леса (ваши)'	---	---	<i>-ńt'e(ə) / -ntę(ə) / kud-ntę(ə)</i> 'дома (ваши)' <i>viř-ńt'e(ə)</i> 'леса (ваши)'	<i>-nt / -ńt'</i> <i>kud-ə-nt(ę)</i> 'дома (ваши)' <i>viř-ə-ńt'</i> 'леса (ваши)'	---
IX	Person3.Sg	---	---	---	---	<i>-sna</i> <i>viř-sna(ə)</i> 'леса (их)'	---

В современном мокшанском литературном языке и во многих его говорах, как было отмечено, числовые показатели у обладаемого стёрлись во всех падежах, и даже номинатив ока-

зывается вне числовых показателей. В связи с этим, формы данных рядов совпадают и обозначают как единственное, так и множественное число обладаемых (см. табл. 12). Например:

Ареалы распространения РА-IV в диалектах мокшанского языка

Ряд	РА-IV: Много обладателей(PI) много обладаемых(PI)						
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	смешан.	мокш.лит.
VII	Person1.Sg	---	<i>-ńke(ä, ə) / -nəkə</i> <i>kud-ə-ńke(ä, ə) / kud-nəkə</i> <i>viř-ə-ńke(ä, ə) / viř-ńəkə</i>	<i>-ńke</i> <i>kud-ə-ńke</i> <i>viř-ə-ńke</i>	---	---	<i>-ńke</i> <i>kud-ə-ńke</i> 'дом / дома (наш / наши)' <i>viř-ə-ńke</i> 'лес (наш / наши)'
VIII	Person2.Sg	---	<i>-ńte(ä, ə) / kud-ə-ńt'e(ä, ə)</i> <i>viř-ə-ńt'e(ä, ə)</i>	<i>-ńt'e</i> <i>kud-ə-ńt'e</i> <i>viř-ə-ńt'e</i>	---	---	<i>-ńt'e</i> <i>kud-ə-ńt'e</i> 'дом / дома (ваш / ваши)' <i>viř-ə-ńt'e</i> 'лес / леса (ваш / ваши)'
IX	Person3.Sg	<i>-sna(ə) / -cna(ə) / kud-sna(ə)</i> <i>joń-cna(ə)</i> <i>viř-sna(ə)</i>	<i>-sna(ə) / -cna(ə)</i> <i>kud-sna(ə)</i> <i>joń-cna(ə)</i> <i>viř-sna(ə)</i>	<i>-sna(ə) / -cna(ə) / kud-sna(ə)</i> <i>joń-cna</i> <i>viř-sna</i>	<i>-sna / -cna</i> <i>kud-sna</i> <i>joń-cna</i> <i>viř-sna</i>	---	<i>-sna(ə) / -cna(ə) / kud-sna</i> 'дом / дома (их)' <i>joń-cna</i> 'мозг / мозги (их)' <i>viř-sna(ə)</i> 'лес / леса (их)'

В косвенных падежах, начиная с аблатива, во всех системах (РА-I – РА-IV) числовые дифференциации обладаемого предмета не выяв-

ляются, и лишь указывается на число владельца. Например:

Таблица 13

**Образование форм косвенных падежей притяжательного склонения
(один обладатель, один / много обладаемых)**

Один обладатель (Sg), один / много обладаемых (Sg / Pl)			
Abl. et al.			
I	Person1.Sg	-n	<i>vel'ə-də-n</i> 'села (моего) / сёл (моих)' <i>kut-tə-n</i> 'дома (моего) / домов (моих)' <i>viŕ-də-n</i> 'леса (моего) / лесов (моих)'
II	Person2.Sg	-t	<i>vel'ə-də-t</i> 'села (твоего) / сёл (твоих)' <i>kut-tə-t</i> 'дома (твоего) / домов (твоих)' <i>viŕ-də-t</i> 'леса (твоего) / лесов (твоих)'
III	Person3.Sg	-nza(ə) / -ndza(ə)	<i>vel'ə-də-nza(ə)</i> 'села / сёл (его, её)' <i>kut- tə-n(d)za(ə)</i> 'дома / домов (его, её)' <i>viŕ-də-n(d)za(ə)</i> 'леса / лесов (его, её)'

Таблица 14

**Образование форм косвенных падежей притяжательного склонения
(много обладателей, один / много обладаемых)**

Много обладателей (Pl), один / много обладаемых (Sg/ Pl)			
Abl. et al.			
VII / X	Person1.Pl	-nk / -nək	<i>vel'ə-də-nk / vel'ə-də-nək</i> 'села (нашего) / сёл (наших)' <i>kut-tə-nk</i> 'дома (нашего) / домов (наших)' <i>viŕ-də-nk</i> 'леса (нашего) / лесов (наших)'
VIII / XI	Person2.Pl	-nt	<i>vel'ə-də-nt</i> 'села (вашего) / сёл (ваших)' <i>kut-tə-nt</i> 'дома (вашего) / домов (ваших)' <i>viŕ-də-nt</i> 'леса (вашего) / лесов (ваших)'
IX / XII	Person3.Pl	-st	<i>vel'ə-də-st</i> 'села / сёл (их)' <i>kut- tə-st</i> 'дома / домов (их)' <i>viŕ-də-st</i> 'леса / лесов (их)'

Данную характерную особенность можно подтвердить примерами из говоров центрально-

го, западного, юго-восточного и переходного диалектов мокшанского языка. Сравни (табл. 15, 16):

Таблица 15

**Ареалы распространения форм косвенных падежей притяжательного склонения
в диалектах мокшанского языка (много обладателей, один / много обладаемых)**

Ряд	Один обладатель (Sg) один/много обладаемых (Sg / Pl)					
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	мокш.лит.
I	Person1.Sg	-n <i>kud-tə-n</i> <i>viŕ-də-n</i>	-n <i>kud-tə-n</i> <i>viŕ-də-n</i>	-n <i>kud-tə-n</i> <i>viŕ-də-n</i>	-n <i>kud-tə-n</i> <i>viŕ-də-n</i>	-n <i>kud-tə-n</i> 'дома (моего / моих)' <i>viŕ-də-n</i> 'леса (моего / моих)'

II	Person2.Sg	-t kud-tə-t viŕ-də-t	-t kud-tə-t viŕ-də-t	-t kud-tə-t viŕ-də-t	-t kud-tə-t viŕ-də-t	-t kud-tə-t 'дома (твоего / твоих)' viŕ-də-t 'леса (твоего / твоих)'
III	Person3.Sg	-nza(ə) / -ndza(ə) kud-tə-nza(ə) kud-tə-ndza(ə) viŕ-də-ndza(ə)	-nza(ə) / -ndza(ə) kud-tə-nza(ə) kud-tə-ndza(ə) viŕ-də-ndza(ə)	-nza kud-tə-nza viŕ-də-ndza	-nza / -ndza kud-tə-nza kud-tə-ndza viŕ-də-ndza	-nza kud-tə-nza 'дома (его / её)' viŕ-də-nza 'леса (его / её)'

Таблица 16

Ареалы распространения форм косвенных падежей притяжательного склонения в диалектах мокшанского языка (много обладателей, один / много обладаемых)

Ряд	Много обладателей (Pl) один / много обладаемых (Sg / Pl)					
		зап.	центр.	юго-вост.	перех.	мокш.лит.
VII / X	Person1.Pl	-nk /-nək kud-tə-nk / kud-tə-nək viŕ-də-nk / viŕ-də-nək	-nk /-nək kud-tə-nk / kud-tə-nək viŕ-də-nk / viŕ-də-nək	-nk kud-tə-nk viŕ-də-nk	-nk /-nək kud-tə-nk / kud-tə-nək viŕ-də-nk / viŕ-də-nək	-nk kud-tə-nk 'дома / домов (наших)' viŕ-də-nk 'леса / лесов (наших)'
VIII / XI	Person2.Pl	-nt kud-tə-nt / kud-tə-nə-nt viŕ-də-nt	-nt kud-tə-nt viŕ-də-nt	-nt kud-tə-nt viŕ-də-nt	-nt kud-tə-nt viŕ-də-nt	-nt kud-tə-nt 'дома / домов (ваших)' viŕ-də-nt 'леса / лесов (ваших)'
IX / XII	Person3.Pl	-st kud-tə-st viŕ-də-st	-st kud-tə-st viŕ-də-st	-st kud-tə-st viŕ-də-st	-st kud-tə-st viŕ-də-st	-st kud-tə-st 'дома / домов (их)' viŕ-də-st 'леса / лесов (их)'

Следует отметить, что во всех диалектных системах мокшанского языка формы косвенных падежей (аблатива, инессива, элатива, иллатива, пролатива, абессива, компаратива) представлены в следующем оформлении: основа существительного + падежные морфемы + посессивные аффиксы. Например: *viŕ-də-n* 'леса (моего / моих)', *kud-tə-nk* 'дома / домов (наших)', *kud-cə-n* 'в доме (моём) / домах (моих)', *kud-cə-st* 'в доме / в домах (их)' и т. д. [14, 105; 15, 187; 16, 95].

Анализ приведённых систем позволяет сделать вывод о том, что обладаемое в притяжательных конструкциях часто не имеет числовых показателей. Сравнивая языковой материал диалектов мокшанского языка с литературным языком, следует отметить, что в говорах при-

тяжательные ряды представлены значительно полнее, нежели в литературном языке. Это касается отдельных говоров западного диалекта мокшанского языка, а также смешанных и переходных говоров Пензенской области, Республики Татарстан, Нижегородской области (см. табл. 10, 11, РА-III, РА-IV). В данных говорах обладаемое имеет более богатую и чёткую систему числовой дифференциации, чем в литературном языке. Например: зап. *kud-ńəške(ə)* 'дом (наш) – *kud-nək(e,ə)* 'дома (наши)', *viŕ-ńəške(ə)* 'лес (наш) – *viŕ-ńək(e,ə)* 'леса (наши)'; *kud-ńd'əš'te(ä,ə)* 'дом (ваш) – *kud-ntę(ə)* 'дома (ваши)', *viŕ-ńd'əš'te(ä,ə)* 'лес (ваш) – *viŕ-ń'te(ə)* 'леса (ваши)'.

Во многих говорах мокшанского языка, распространённых на территории Республики

Мордовия, как и в литературном языке, отсутствуют специальные числовые показатели для обладаемого при обладателе 3-го лица множественного числа (**Person3.PI**) (см. PA-IV) (табл. 6, 7, 8, 9). В данном случае и в диалектах, и в литературном языке функционирует единственный лично-притяжательный суффикс *-sna(ə)/-cna(ə)*, который обозначает принадлежность и одного, и многих предметов обладания: *kud-sna* 'дом/дома (их)', *joń-cna* 'мозг / мозги (их)', *viř-sna(ə)* 'лес / леса (их)'. Однако в некоторых говорах смешанного типа мокшанского языка (говоры села Киртели Тетюшского ареала Республики Татарстан, верхне-алатырские говоры Нижегородской области) лично-притяжательные суффиксы *-sna(ə)* / *-cna(ə)* дифференцируются по числу: кирт. *viř-cna* 'лес (их)' – *viř-sna* 'леса (их)', верхне-алат.г. *mař-cna* 'яблоко (их)' – *miř-sna* 'яблоки (их)'. Данные примеры доказывают то, что говоры и диалекты мокшанского языка сохранили живые свидетельства того, что некогда в речи числовая дифференциация и в сфере обладаемых проводилась более полно, чем теперь. Как было отмечено Х. Паасоненом [33] в работе «Мордовская фонетика» «...без сомнения во всех лицах, как в единственном, так и во множественном числе первоначально были две формы: одна, содержащая чистый притяжательный суффикс: в единственном числе 1 л. **-m**, 2 л. **-t**, 3 л. **-sß**; во множественном числе 1 л. **-mßk**, 2 л. **-tßk**, 3 л. **-sßk** и другая, в которой для обозначения множественности обладаемого перед последним приставлялся **-n**. Данная характерная особенность в современных диалектах мокшанского языка не всегда прослеживается, нигде она полностью не проявляется, но, с другой стороны, нет диалекта, который не удержал бы его, – с соответствующими изменениями – в каком-нибудь лице» [23, 103].

Таким образом, общим для всех притяжательных рядов в мокшанском диалектном ареале необходимо признать наличие системы грамматических числовых показателей обладателя того или иного лица единственного или множественного числа. Обладаемое же по числам различается далеко не всегда [14, 105]. Как отмечал А. П. Феоктистов, «... на притяжательное склонение большое влияние по линии выравнивания было оказано со стороны простого падежного склонения, в формах которого, как правило, воплощается предмет обладания.

Можно утверждать, что в косвенных падежах притяжательного склонения отсутствие числовых показателей для обладаемого является непосредственным результатом действия аналогии со стороны неопределённого склонения, в котором числа не различаются ни в одном из косвенных падежей» [23, 104]. Однако, автор находит языковой материал Ардатовского района Мордовской АССР и Салганского района Горьковской (современной Нижегородской) области (с. Васильевка), где в косвенных падежах притяжательного склонения у обладаемого сохранилось противопоставление форм единственного и множественного числа, правда, эта числовая дифференциация теперь имеет место лишь при наличии обладателя 2-го лица единственного числа: *kud-o-so-m* 'в моем доме', но: *kud-o-so-n* 'в моих домах', *kud-o-sto-m* 'из моего дома', но: *kud-o-sto-n* 'из моих домов', *kud-o-z-o-m* 'в мой дом', но: *kud-o-z-o-n* 'в мои дома' и т. д. [23, 104].

Данное явление также отмечено в работах Д. В. Цыганкина, Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова. Авторы указывают на то, что «... имеются некоторые говоры, в частности типа с. Старое Чамзино Мордовской АССР, которые сохранили противопоставление числа обладаемых в косвенных падежах, т. е. в ряде «Тонь» при одном и том же падеже обнаруживаются две посессивные словоформы» [2, 5–10; 3, 81–90].

Обсуждение и заключение

Принимая во внимание тот неоспоримый факт, что единственное и множественное числа у обладаемого во многих рядах не имеют формального выражения или же это различие по числам ограничивается лишь номинативом, генитивом и дативом, система притяжательных рядов представлена в исследовании по обладателю, который, как уже подчёркивалось выше, всегда получает конкретное выражение в отношении числа.

В мокшанском литературном языке в зависимости от лица и числа обладателя суффиксы лично-притяжательности образуют шесть притяжательных рядов, где показатель множественного числа **-n** функционирует в номинативе, генитиве, дативе в системе PA-II в рядах IV, V, VI: *jalga-že* 'мой товарищ' – *jalga-ñe* 'товарищи (мои)'; *jalga-će* 'товарищ (твой)' – *jalga-tñe* 'товарищи (твои)'; *jalga-c* 'товарищ (его/её)' – *jalga-nza* 'товарищи (его/её)'. В осталь-

ных рядах первоначальные функции суффиксов **-n** и **-k** как показателей множественного числа предмета обладания и обладателя стёрлись: *kud-ə-ńke* ‘дом (наш)’ / ‘дома (наши)’, *kud-ə-ńkə-ń* ‘дома (нашего)’ / ‘домов (наших)’.

В мокшанском диалектном ареале числовая дифференциация предметов обладания продемонстрирована более чётко: количество рядов притяжательного склонения достигает до двенадцати, в чём убеждает анализ диалектного материала. Например, зап. *kud-ńáske(ə)* ‘дом (наш)’ – *kud-nək(e,ə)* ‘дома (наши)’, мокш. лит. *kud-ə-ńke* ‘дом (наш)’ / ‘дома (наши)’, зап. *kud-ńd’ás’te(ä,ə)* ‘дом (ваш)’ – *kud-ntę(ə)* ‘дома (ваши)’, мокш. лит. *kud-ə-nte* ‘дом (ваш)’ / ‘дома (ваши)’, кирт. г. *viř-cna* ‘лес (их)’ – *viř-sna* ‘леса (их)’, мокш. лит. *viř-sna* ‘лес (их)’ / ‘леса (их)’.

Суммируя вышесказанное, следует отметить: приведённый языковой материал даёт основание утверждать, что в говорах и диалектах мокшанского языка, распространённых как на территории Республики Мордовия, так и за её пределами, притяжательные ряды представлены значительно полнее, нежели в литературном языке: обладатель и обладаемое употребляются как в единственном, так и во множественном числе. Однако не во всех рядах притяжательного склонения числовая дифференциация предметов обладания приводится в одинаковой мере последовательно, что связано с отсутствием или наличием числовых показателей обладаемого. Неравномерное употребление притяжательных словоформ способствует выравниванию числовых показателей притяжательного склонения, а также замене их другими формами.

Список сокращений

Верхне-алат. г. – верхне-алатырские говоры Нижегородской области; зап. – западный диалект мокшанского языка; кирт. г. – киртелинский говор Республики Татарстан; перех. – переходный диалект мокшанского языка; мокш. лит. – мокшанский литературный язык; смеш. – смешанный диалект мокшанского языка; центр. – центральный диалект мокшанского языка; юго-вост. – юго-восточный диалект мокшанского языка.

Abl. – Ablative; Dat. – Dative; Gen. – Genitive; Nom. – Nominative; PA – Possessive Affixes; PAS – Possessive Affixes System.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Система притяжательных суффиксов в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. № 4. С. 241–258.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Способы выражения посессивности в эрзянских говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области // *Филологический аспект*. 2019. № 10 (54). С. 5–10.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Парадигмы падежных притяжательных суффиксов в эрзянских говорах Новаяма-лыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica*. 2020. Т. 56. № 2. С. 81–97.
4. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 20 с.
5. Андреева Л. А. Функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на *-aui* в марийском языке // *Финно-угорский мир*. 2009. № 3. С. 26–33.
6. Андуганов Ю. В. Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. 1: Введение. Субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 196 с.
7. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
8. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // *Очерки мордовских диалектов: в 5 т.* Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.
9. Иванова Г. С., Жербаткина И. Я. Словоизменительный потенциал имени существительного в языках агглютинативного типа (на материале диалектов мокшанского языка) // *Язык и культура*. 2020. № 49. С. 66–82.
10. Клементьева Е. Ф. Словоизменительные и словообразовательные функции категории числа в эрзянском языке // *Вестник урovedения*. 2019. Т. 9. № 4. С. 643–652.
11. Кондратьева Н. В. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2010. № 2. С. 92–101.
12. Кудашова Л. А. Посессивность в эрзянском и венгерском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 18 с.
13. Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей / под ред. П. Суйхконен, Б. Комри. Ижевск; Лейпциг: Институт компьютерных исследований, 2003. С. 249–259.*

14. Левина М. З. Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования) // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 104–119.
15. Левина М. З. Словообразовательный потенциал имён существительных в мокшанском диалектном ареале // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 184–189.
16. Левина М. З., Левин Н. В. Эволюция первичных разрядов местоимений в мокшанском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1(52). С. 92–102.
17. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://les.academic.ru> (дата обращения: 16.09.2024).
18. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 307 с.
19. Михайлов С. К. Севернохантыйская посессивность и типология детерминации // Родной язык. 2023. № 2. С. 6–51.
20. Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16. № 4. С. 392–407.
21. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 390 с.
22. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
23. Феоктистов А. П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 184 с.
24. Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. Б. А. Серебренникова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
25. Хомченкова И. А. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования. 2022. № 45. С. 48–168.
26. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определённости-неопределённости и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.
27. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: [б. и.], 2000. 315 с.
28. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 3. С. 254–264.
29. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 284 с.
30. Feoktistov A., Saarinen S. Mokšamordvan murteet. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2005. 449 p.
31. Mark J. Die Possessivsuffixe in uralischen Sprachen. I. Häfte LIV. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 1925, XIV. 279 p.
32. Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей / под ред. П. Суйхконен, Б. Комри. Ижевск; Лейпциг: Институт компьютерных исследований, 2003. Pp. 130–145.
33. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903, pp. S. 120–123. (MSFOu XXII).
34. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch / Zusammenestellt von K. Heikkilä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. Bd. 1–4.
35. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980–1988. Lief. 1–7.

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Sistema prityazhatel'nykh suffiksov v erzyanskikh govorakh Novomalyklinskogo rayona Ul'yanovskoy oblasti* [The system of possessive suffixes in the Erzya dialects of the Novomalyklinsky District in the Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, no. 54 (4), pp. 241–258. (In Russian)
2. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Sposoby vyrazheniya possessivnosti v erzyanskikh govorakh sel Novomalyklinskogo rayona Ul'yanovskoy oblasti* [The ways for expressing possessiveness in the Erzya language dialects in the villages of Novomalyklinsky District of the Ulyanovsk Oblast]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2019, no. 10 (54), pp. 5–10. (In Russian)
3. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Paradigmy padezhnykh prityazhatel'nykh suffiksov v erzyanskikh govorakh Novomalyklinskogo rayona Ul'yanovskoy oblasti* [Case paradigms of possessive suffixes in the Erzya subdialects of the Novomalyklinsky District of the Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2020, no. 56 (2), pp. 81–97. (In Russian)
4. Ananyina K. I. *Verkhne-alatyrskiy govory mokshanskogo yazyka* [Upper Alatyr subdialects of the Moksha language]. Tartu, 1974. 20 p. (In Russian)
5. Andreeva L. A. *Funktsii prityazhatel'nykh suffiksov pri infinitive na -ash v mariyskom yazyke* [Functions of possessive suffixes with the infinitive with -ash in the Mari language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2009, no. 3, pp. 26–33. (In Russian)
6. Anduganov Yu. V. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Sintaksis. Ch. 1: Vvedeniye. Substantivnyye slovosochetaniya* [Historical grammar of the Mari language. Syntax. Part 1: Introduction. Substantive phrases]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1991. 196 p. (In Russian)

7. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 265 p. (In Russian)
8. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Middle Vad dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. Pp. 261–433. (In Russian)
9. Ivanova G. S., Zherbatkina I. Ya. *Slovoizmenitel'nyy potentsial imeni sushchestvitel'nogo v yazykakh agglutinativnogo tipa (na materiale dialektov mokshanskogo yazyka)* [Inflectional potential of a noun in agglutinative languages (based on the dialects of the Moksha language)]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2020, no. 49, pp. 66–82. (In Russian)
10. Klementyeva E. F. *Slovoizmenitel'nyye i slovoobrazovatel'nyye funktsii kategorii chisla v erzyanskom yazyke* [Inflectional and word-formation functions of the category of number in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 643–652. (In Russian)
11. Kondratyeva N. V. *K voprosu o grammaticheskoy kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom yazyke* [To the issue of the grammatical category of the noun's number in the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2010, no. 2, pp. 92–101. (In Russian)
12. Kudashova L. A. *Posessivnost' v erzyanskom i vengerskom yazykakh* [Possessiveness in the Erzya and Hungarian languages]. Saransk, 2001. 18 p. (In Russian)
13. Kuznetsova A. I. *Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deyticheskiye funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh* [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative indicators: deictic functions of the possessive in the Uralic languages]. *Mezhdunarodnyy simpozium po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Yevropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii: sbornik statey* [International Symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and North and Central Asia: collection of articles]. Ed. P. Suihkonen, B. Comrie. Izhevsk; Leipzig: Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2003. Pp. 249–259. (In Russian)
14. Levina M. Z. *Morfologiya form neopredelennogo skloneniya imeni sushchestvitel'nogo v mokshanskikh dialektakh Povolzh'ya (lingvogeograficheskiy aspekt issledovaniya)* [Morphology of nominal indefinite declension in Moksha Mordovian dialects of the Volga region (linguo-geographic aspect)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanija], 2015, no. 5, pp. 104–119. (In Russian)
15. Levina M. Z. *Slovoobrazovatel'nyy potencial imen sushchestvitel'nykh v mokshanskom dialektnom areale* [Derivative potential of nouns in the Moksha dialect area]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Scientific Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2022, no. 2 (62), pp. 184–189. (In Russian)
16. Levina M. Z., Levin N. V. *Evolyutsiya pervichnykh razryadov mestoimennykh v mokshanskom dialektnom areale* [Evolution of primary categories of pronouns in the Moksha dialect area]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1/52), pp. 92–102. (In Russian)
17. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Available at: <https://les.academic.ru> (accessed September 16, 2024). (In Russian)
18. Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem* [Pronouns in languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 307 p. (In Russian)
19. Mikhaylov S. K. *Severnokhantyyskaya possessivnost' i tipologiya determinatsii* [Northern Khanty possessives and typology of determination]. *Rodnoy yazyk* [Native language], 2023, no. 2, pp. 6–51. (In Russian)
20. Ryabov I. N., Agafonova N. A., Ryabova G. V. *Sravnitel'naya kharakteristika vyrazheniya possessivnykh otnosheniy v erzyanskikh govorakh Kochkurovskogo rayona Respubliki Mordoviya* [Comparative characteristics of the expression of possessive relations in the Erzya dialects of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2024, no. 116 (4), pp. 392–407. (In Russian)
21. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 390 p. (In Russian)
22. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 262 p. (In Russian)
23. Feoktistov A. P. *Kategoriya prityazhatel'nosti v mordovskikh yazykakh* [Category of possessiveness in the Mordovian languages]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. 184 p. (In Russian)
24. Hajdu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Transl. from the Hungarian E. A. Khelimsky; ed. K. E. Maytinskaya; foreword B. A. Serebrennikov. Moscow: Progress Publ., 1985. 430 p. (In Russian)
25. Khomchenkova I. A. *Diskursivnyye funktsii possessivnogo pokazatelya tret'yego litsa yedinstvennogo chisla v gornomariyskom yazyke* [Discourse functions of the 3rd singular possessive marker of the Hill Mari people]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2022, no. 45, pp. 48–168. (In Russian)
26. Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitel'nogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka (opredelonnosti-neopredelonnosti i prityazhatel'nosti)* [Grammatical categories of nouns in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-indefiniteness and possessiveness)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1978. 72 p. (In Russian)
27. Tsygankin D. V. *Mordovskiy yazyk glazami uchenogo-lingvisty* [Mordovian languages through the eyes of a linguist]. Saransk, 2000. 315 p. (In Russian)

28. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Arkhaichnyye i innovatsionnyye yavleniya v padezhnykh paradigmakh erzyanskikh dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects of the Volga region and the Southern Urals]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 13 (3), pp. 254–264. (In Russian)

29. Tsygankin D. V. *Mordovskiye yazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: monografiya* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist: monograph]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2015. 284 p. (In Russian)

30. Feoktistov A., Saarinen S. *Mokšamordvan murteet*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2005. 449 p. (In Finnish)

31. Mark J. *Die Possessivsuffixe in uralischen Sprachen*. I. Hälfte LIV. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 1925. XIV. 279 p. (In German)

32. Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International Symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and North and Central Asia: collection of articles*. Ed. P. Suihkonen, B. Comrie. Izhevsk; Leipzig: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2003. Pp. 130–145. (In English)

33. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre*. Helsingfors, 1903. Pp. 120–123. (MSFOu XXII). (In German)

34. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Zusammengestellt von K. Heikkilä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. Bd. 1–4. (In German)

35. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980–1988. Lief. 1–7. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левина Мария Захаровна, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат филологических наук.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7808-2187

ABOUT THE AUTHOR

Levina Maria Zakharovna, Associate Professor, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68/1), Candidate of Philological Sciences.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7808-2187